

Тоба Фэн слегка повернулся в сторону, и лунный свет осветил его черты. Худощавый профиль, высокая прямая переносица и глубоко посаженные глаза при лунном сиянии были ясными и вызывали восхищение.

В его волчьих глазах вспыхнул слабый зелёный огонёк, словно изумруд, скрытый под песчаными бурями пустыни.

Ли Цзинлун узнал его и подсознательно отбежал назад, воскликнув:

— Быстрее, кто-нибудь! Схватите его!

Юньци прокричал:

— Во время войны запрещается убивать вражеских послов... Ли Цзинлун!

Солдаты с оружием в руках немедленно окружили Ли Цзинлуна, вмиг образовав несколько плотных, непроницаемых колец.

В уголке губ Тоба Фэна промелькнула насмешливая ухмылка. Лево́й рукой он потянулся к правому плечу, чтобы выхватить длинный меч, и с невозмутимым видом произнёс:

— Ты поел?

Юньци, не зная, смеяться ему или плакать, спросил:

— Почему послали тебя? Скорее возвращайся обратно.

— Убить его! — завопили люди вокруг.

Ли Цзинлун предостерег их:

— Этот человек — мастер боевых искусств из дворцовой стражи, бывший командир Цзиньивэй. Парни, будьте осторожны!

Тоба Фэн достал деревянный меч «Семь звёзд», замахнулся и разбросал осмелившихся приблизиться к нему солдат по сторонам. Затем он спросил снова:

— Скучал по ши-гэ? Этот малец, Чжу Юньвэнь, тебя не трогал?

Когда Юньци спросили об этом при всех, он тут же покраснел до корней волос. Ли Цзинлун

рядом без умолку кричал:

— Убейте, убейте его!

«...»

Юньци внезапно разразился гневом:

— Заткнись! Ли Цзинлун!

— Этот человек — государственный преступник! Он сговорился с Сюй Юньци совершить покушение на императора...

Как только Ли Цзинлун выкрикнул эти слова, Сюй Юньци и Тоба Фэн одновременно вздрогнули. Им в голову им пришла одна и та же мысль: «Беда! Совершенно забыли о том деле несколько лет назад». Тоба Фэн, опасаясь создать проблемы Юньци, второпях развернулся и бросился наутек. Юньци воскликнул:

— Эй, постой!

Отбежав на несколько шагов, Тоба Фэн оглянулся. Издали он посмотрел на Юньци с выражением, будто хотел что-то сказать, но не решался. Вокруг этого проклятого Ли Цзинлуна, непрерывно гудя, копошилась куча мух, и все они с вызовом сверлили его взглядом его.

Завидев, что Тоба Фэн остановился, Ли Цзинлун самодовольно заявил:

— Армейский инспектор Сюй перешел на сторону врага, сейчас же взять его под стражу!

Тоба Фэн взмахнул мечом, и Ли Цзинлун в испуге отступил на полшага.

— Возвращайся! — Юньци сделал вид, что прогоняет его, и Тоба Фэну с поникшей головой пришлось уйти.

— Ешьте, — Юньци, не глядя на Ли Цзинлуна, распорядился: — Разгрузите с повозки лунные пряники и раздайте их всем.

Ли Цзинлун, разъяренный, приказал:

— Схватить его!

Юньци холодно усмехнулся:

— Кто посмеет меня тронуть?

Офицеры и солдаты переглянулись. Никто не осмеливался поднять руку на Юньци, и он снова ледяным тоном произнёс:

— Вступление в стовор с врагом — серьёзное обвинение, главнокомандующий Ли. Прежде чем принимать решение, вам следует сначала спросить разрешение у императора.

Юньци ушёл вместе с Саньбао, но Ли Цзинлун не смог подавить накопившуюся ярость. Тут же он вернулся в шатёр и написал Чжу Юньвэню донос. Как гласит история, с той ночи Ли Цзинлун разместил вокруг палатки армейского инспектора Юньци несколько десятков часовых, формально для обеспечения его безопасности, а на деле — чтобы следить за каждым его движением и предотвращать утечку военных сведений.

И вот стражники в лагере южной армии уплетали лунные пряники, присланные семьёй Сюй, и наблюдали за каждым движением Юньци, не зная, что и чувствовать по этому поводу.

Ночь Праздника середины осени.

Юньци съел две громадные миски риса и мясную подливу с грибами, которые прислала Сюй Вэнь. Вяло сидя у входа в палатку, он распорядился:

— Саньбао, возьми чай, который прислала Ванфэй, и ещё две коробки лунных пряников. Отнеси их нашему главнокомандующему Ли.

Саньбао с сомнением спросил:

— Разве Ли Цзинлун не в ссоре с младшим шурином? Мы всё ещё будем преподносить ему подарки?

Юньци с улыбкой ответил:

— Воспитание главнокомандующего Ли оставляет желать лучшего, но разве мы можем опускаться до его уровня?

Саньбао пришлось вернуться в палатку за лунными пряниками. Юньци равнодушно добавил:

— На полке лежит маленький свёрток, в нём — фарфоровый пузырёк с порошком. Незаметно подсыпь немного в чай. Только не переборщи, а то они почувствуют запах.

«...»

— Младший шурина, позвольте этому ничтожному спросить, что это за лекарство?

— Обычное слабительное, мы часто используем его на службе.

— Да... да... — в душе Саньбао невольно поднял большой палец вверх: «Методы тех, кто привык служить в Цзиньвэй, в самом деле необыкновенны».

Саньбао отнёс коробку с подарками в командный шатёр Ли Цзинлуна. Как и ожидалось, лунные пряники выбросили наружу. Следуя указаниям Юньци, Ма Саньбао спрятался у палатки и некоторое время наблюдал. И действительно, вскоре он увидел, как Ли Цзинлун вышел из шатра и подобрал коробку с пряниками.

Юньци по-прежнему стоял, прислонившись у входа в палатку, и в полусне грелся под яркой луной. Вдруг он вспомнил, что в тот день, когда Цзян Хуань ушёл в отставку, и Тоба Фэн занял пост командира, тоже был Праздник середины осени.

Несколько лет назад, в Праздник середины осени.

— Стал командиром, и теперь даже в праздник ему нет дела до своих братьев, — у Чжан Циня накопилась злоба, и он выговаривал Юньци: — Помчался встречать его в зал Яньхэ, словно щенок в ожидании приказа...

Юньци расправлял воротник, разглядывая себя в бронзовом зеркале, и рассеянно произнес:

— Это правда. Такой большой праздник, и его даже не вызывали во дворец. Зачем ши-гэ туда побежал?

Чжан Цинь гневно спросил:

— Ты всё ещё зовёшь его ши-гэ? Не знаю, какая дурь нашла на Цзян-шифу под старость лет, что он передал должность какому-то тюрку. Все братья думали, что командиром станешь ты, Юнь-гэ-эр. Ту Мин и другие ребята просили меня...

Только тогда Юньци всё понял и недовольно буркнул:

— Хватит.

Немного поразмыслив, Юньци заглянул в глаза Чжан Циня в зеркале и серьёзно сказал:

— Нельзя говорить, не обдумав. Ши-гэ так усердно трудился, это место по праву должно принадлежать его.

Чжан Цинь спросил:

— Ты снова гулял со внуком императора?

— Угу, — Юньци, глядя в зеркале на изящного и статного себя, улыбнулся и ответил:

— Ши-гэ тоже ко всем хорошо относится, просто он этого не показывает... не то что я, со своими масляными устами и скользким языком*.

* Масляные уста и скользкий язык (油嘴滑舌) — обр. легкомысленный, несерьёзный в речи, болтун, шутник

Чжан Цинь с негодованием ответил:

— Все говорят, что командиром должен стать ты. Ты из семьи Сюй. Если уж судить по заслугам и происхождению, то в чём ты не лучше того тюркского пса...

— Цинь-гэ-эр! — Юньци по-настоящему разозлился и крикнул: — Я запрещаю тебе так его называть!

Чжан Цинь замолчал, но на его лице всё ещё читалось недовольство. Юньци возмущённо сказал:

— Он всегда первый выходит на дежурство. Настолько занят, что даже поесть некогда. Как только возникают неприятности, то всё берёт на себя. Разве в прошлый раз, когда вы трое избili подчиненных принцессы Шоучунь, не он взял вину на себя? Если бы из этого раздули дело, вы смогли бы избежать порки наставника Цзяна?

Чжан Цинь фыркнул:

— Любой бы на месте командира так поступил. Цзиньивэй всегда должны идти бок о бок и делить вместе славу и позор...

Юньци снова рассердился:

— Раз знаешь, что надо идти бок о бок, зачем тогда говоришь такие слова?

Чжан Цинь, смущённый, замолчал. Юньци вздохнул:

— Вы никогда не считали его своим братом. Ладно.

Изначально прекрасное настроение Юньци было омрачено словами Чжан Циня, однако, поразмыслив, он почувствовал странное удовлетворение. В конце концов, Тоба Фэн не годился на эту роль, и именно на него, Юньци, все возлагали свои надежды... Зачем же Тоба Фэн остался в тронном зале, да ещё и добровольно взял дежурство?

Воодушевленный назначением на новую должность, пытается подольститься к Чжу Юаньчжану?

Юньци покачал головой, находя это забавным. Тоба Фэн был настолько прямолинеен, что даже его заискивание перед начальством казалось слишком явным.

— Юнь-гэ-эр! — звонкий голос Чжу Юньвэня раздался с другого конца императорского сада.

Он ждал довольно долго и сейчас в спешке подбежал к Юньци, с праведным гневом буркнув:

— Я всё знаю, пошли, сейчас же попросим дедушку... командиром Цзиньивэй в конце концов назначили того парня...

Услышав это, Юньци тут же начал жаловаться на сильную головную боль. Чжу Юньвэнь, таща его за собой, дошёл до входа в императорский кабинет, как вдруг услышал, что изнутри смутно доносится голос Тоба Фэна.

Он тихо о чем-то говорил. Разобрать было трудно, но слышались фразы вроде «Юньци», «не в силах контролировать» и другие. Чжу Юньвэнь тут же немного поразмыслил затрясся от гнева и уже собирался толкнуть дверь и войти.

В этот момент старческий голос Чжу Юаньчжана залился громким смехом. Император явно находился в прекрасном расположении духа. Юньци поспешно схватил Чжу Юньвэня и сказал:

— Не входи, пойдём.

Чжу Юньвэнь сжал кулаки, несколько мгновений глубоко подышал и, казалось, переживал даже сильнее, чем Юньци. С ненавистью он развернулся и ушёл.

И Юньци, и Чжу Юньвэнь были крайне подавлены. Выйдя из императорского дворца, они шли тихо и выбирали малолюдные места.

Пройдя несколько шагов, Чжу Юньвэнь внезапно снова захотел вернуться, но Юньци второпях крепко сжал его руку в своей ладони.

— Внук императора, внук императора!

— ...Этот парень точно волк. С первого взгляда видно, что он из тех, кто забывает добро и презирает долг!

— Ничего страшного. Внук императора, послушайтесь Юнь-гэ-эра...

Вокруг Терема Танцующего Тумана висели большие красные фонари. Все улицы сверкали яркими цветными огнями. Дети гонялись друг за другом, громко крича, залезали на деревья и привязывали фейерверки к ветвям.

Юньци остановился и, стоя лицом к Чжу Юньвэню под разукрашенными к Празднику середины осени фонарями, серьёзно произнес:

— Люди меняются, Юньвэнь. Он терпел столько лет и наконец получил шанс проявить себя. Юнь-гэ-эр от всей души за него рад.

— Любой может оговориться при других. Если что-то мимолетно сорвалось с языка, это ещё не значит, что он так думает на самом деле, ничего страшного.

— Я не изменюсь, Юнь-гэ-эр, — вдруг заявил Чжу Юньвэнь. — Не изменюсь.

Юньци сухо улыбнулся, со смехом ответив:

— Нельзя ничего загадывать наперед. Пойдём, завтра всё будет как обычно...

— Юньци!

Тоба Фэн наконец пришёл.

Чжу Юньвэнь мгновенно изменился в лице и уже собирался жестко отчитать его, но Юньци слегка сжал его руку, давая понять, что не стоит сердиться.

Юньци с улыбкой сказал:

— Такой большой праздник, а командир Тоба всё ещё занят на дежурстве.

В его словах скрывался едва уловимый намек на гнев.

Тоба Фэн, похоже, пробежал за ними пол-улицы и теперь, несмотря на хорошую физическую

подготовку, тяжело дышал.

— Прости, Юньци... ши-гэ был занят и никак не мог освободиться... — Тоба Фэн серьёзно произнес: — Ты... внук императора?

Увидев, как Юньци и Чжу Юньвэнь держатся за руки, Тоба Фэн словно что-то понял.

— Юньци, подойди сюда, ши-гэ нужно тебе кое-что сказать, — Тоба Фэн равнодушно поманил Юньци рукой.

Чжу Юньвэнь гневно воскликнул:

— Ты что, собаку зовёшь!? Ты хоть во что-то ставишь этого принца?!

Тоба Фэн понимал, что неправ, но упрямо молчал, ожидая, когда Юньци подойдёт.

Видя, что атмосфера стала неловкой, Юньци был вынужден разрядить обстановку:

— Ты целый день работал, иди отдыхать. Я составляю компанию Юнь... молодому господину. Немного прогуляемся и вернемся.

На лице Тоба Фэна застыло выражение, будто он хотел что-то сказать, но не решался. Гнев Чжу Юньвэня достиг предела, поэтому Юньци в спешке сделал вид, что прогоняет его, и крикнул:

— Возвращайся! Быстро!

Тоба Фэн, понури голову, пошёл обратно.

Только тогда Юньци вздохнул с облегчением. Он протянул ладонь, чтобы Чжу Юньвэнь взял его за руку, и они вдвоём направились к оживлённой длинной улице.

В ночь Праздника середины осени кругом стояли толпы народа, однако в бескрайнем море людей Юньци почувствовал, что на него пристально смотрят чьи-то глаза.

Он оглянулся и увидел, что Тоба Фэн, держась на расстоянии, продолжает идти за ними. Тогда он нахмурился и остановился.

Чжу Юньвэнь был так расстроен происходящим, что полностью потерял настроение. Словно назло, он вырвал руку из ладони Юньци и нырнул в гущу толпы.

— Молодой господин! — Юньци побледнел от испуга. В столице была тьма людей, и если Чжу Юньвэня кто-нибудь толкнёт и он поранится, то им несдобровать. Юньци побежал, и Тоба Фэн бросился за ним следом. Когда Юньци остановился, Тоба Фэн тоже.

В конце длинной улицы Чжу Юньвэнь окликнул столичного стражника на лошади и показал ему свой поясной жетон. Гвардеец, сильно перепугавшись, поспешно уступил коня и повел внука императора во дворец.

Юньци вздохнул, обернулся и сердито гаркнул:

— Ты намерен во что бы то ни стало добиться того, чтобы я даже не мог спокойно насладиться праздником, да?!

Тоба Фэн улыбнулся:

— Я хочу рассказать тебе хорошую весть...

Юньци заорал:

— Мама твоя хорошая! — затем резко он отмахнулся от потянувшейся к нему руки Тоба Фэна. Толкнув его так, что тот пошатнулся, юноша побрел в сторону Терема Танцующего Тумана.

Едва он сделал два шага вперед, как Тоба Фэн, вопреки возражениям, крепко обнял его сзади. Юньци продолжал бороться, но Тоба Фэн был действительно слишком силен, и ему пришлось сдаться. Он спросил:

— Что случилось?

Терпение Юньци было уже на исходе. Он не оборачивался, лишь хмуро смотрел на гардению, увешанную фейерверками.

Несколько детей толкались и галдели, споря о том, кому достанется горящая палочка, чтобы поджечь фейерверки.

Тоба Фэн с интересом наблюдал за этой сценой. Обняв Юньци крепче, он тихо произнес:

— Сегодня ши-гэ попросил у императора работу.

Юньци сомкнул глаза и с нетерпением выпалил:

— О какой ещё там работе ты просил? Не слишком зазнавайся от успеха. Все во дворце знают

— чем выше взбираешься, тем больнее падать. Держись поскромнее.

Тоба Фэн с удивлением спросил:

— Почему ты так говоришь? Я за спиной кого-то обидел?

«...»

Не открывая глаз, Юньци сжал кулак и покачал им перед собой, едва сдерживая желание его ударить. Он ответил:

— Никого ты не обидел. Командир Тоба сейчас пользуется большим почетом...

— Это само собой, — Тоба Фэн тоже закрыл глаза и улыбнулся. Обняв Юньци, он покачался из стороны в сторону. — Ши-гэ не пришел к тебе вечером составить компанию, и ты обиделся?

Юньци, изо всех сил сдерживая гнев, буркнул:

— Нет, я как раз веселился с внуком императора.

Тоба Фэн выборочно проигнорировал эти слова, затем серьезно сказал:

— Ши-гэ попросил императора учредить в Цзиньвэй ещё одну должность заместителя командира. Ты станешь заместителем командира. Император согласился, и завтра утром на приеме издадут указ.

Юньци застыл от изумления. Открыв глаза, он спросил:

— Ты... как ты уговорил императора? Это же изменение системы!

Тоба Фэн прищурился и простонал:

— Я сказал, что не в силах их контролировать... что все смотрят на меня как на петуха с вороньими глазами*...

* Петух с вороньими глазами (雉目) — обр. о ненавистнике, ревнивце, злобном противнике.

Юньци с невозмутимым видом произнес:

— О, так ты об этом в курсе.

Когда он это сказал, уголки его губ всё же слегка приподнялись.

Тоба Фэн ответил:

— А, конечно, я об этом знаю.

— В будущем... командир будет слушаться своего заместителя, рад? — Тоба Фэн слегка залился краской.

Уши Юньци вспыхнули. Он ответил:

— Да кто хочет быть этим... дурацким заместителем. Ши-гэ... спасибо тебе.

Глаза Юньци покраснели, он не смог сдержать слёз и проговорил:

— Фейерверки запускают, смотри.

Тоба Фэн открыл глаза. В его бездонных зрачках мерцал привычный свет.

В тот миг бесчисленное множество фейерверков по всему Цзиньлину взметнулись ввысь, рассыпаясь сверкающими искрами, ослепительными для глаз.

— Почему ты плачешь? И смеёшься? — Тоба Фэн внимательно оглядел Юньци, после чего спросил.

— Ничего я не плачу, — открыл глаза, Юньци встретился взглядом с Тоба Фэном.

— Почему ты снова здесь?! — Юньци чуть не упал со стула.

Тоба Фэн спросил:

— Вкусные были лунные пряники?

Юньци воскликнул:

— Возвращайся! Скорее!

Тоба Фэн улыбнулся:

— Ванфэй велела мне поджечь провиант и заодно проведать тебя.

«...»

— Поджѐг? — Юньци не знал, смеяться ему или плакать.

Тоба Фэн ответил:

— Нет, я бродил полдня, но не нашёл, где хранят провиант. Сзади только несколько пустых палаток.

Юньци жалобно взвыл:

— Матушки мои! Значит, вы все так воюете? В этой армии давно закончился провиант и фураж. Если бы не те лунные пряники, что ты прислал ранее, Ли Цзинлун через несколько дней, возможно, уже выкапывал бы корешки, чтобы набить живот.

— До того, как две армии вступают в бой, на первом месте находится разведка. Знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим*. Столько лет прослужил в Цзиньивэй, собирая разведданные, и об этом не знаешь? Да?!

* Выдержка из «Искусства войны» Сунь Цзы.

Тоба Фэн задумался и ответил:

— Ты же не говорил, так откуда нам знать. Неудивительно, что этот дурак сегодня хочет в спешке штурмовать город.

Юньци в сердцах усмехнулся: «Интересно, кто же из вас двоих на самом деле дурак?», как вдруг кое-что осознал и вернулся на землю.

— Они собираются штурмовать город? Почему я об этом не слышал?

Юньци забрался на верх поленицы и посмотрел в сторону далёкой равнины. Действительно, основные силы были готовы к выступлению и плотно заполнили огромное пространство за городскими стенами.

Южная армия установила арбалеты и соорудила высокую платформу для главнокомандующего. Факелы окрасили ночь в багровый цвет.

Тоба Фэн тревожно стоял у поленницы, готовый поймать Юньци, если тот упадет. Он объяснил:

— Яо Гуансяо предложил дурацкую идею: сначала отсиживаться в городе и ждать, пока ши-гэ устроит пожар, а когда у них в тылу начнётся хаос, воспользоваться моментом и атаковать их...

Юньци ответил:

— Действительно дурацкая идея. Но Ли Цзинлун выпил тот чай, в который я подсыпал слабительное... так что исход этой битвы ещё неясен.

Тоба Фэн внезапно насупился:

— Ты подсыпал ему слабительное?! Разве так можно?!

Юньци с недоумением спросил:

— А почему нельзя?

Тоба Фэн выглядел так, словно на него обрушилось бедствие:

— Если этот бездарь не сможет командовать, и его заменят кем-то способным, с таким количеством людей будет управиться намного труднее!

«...»

У Юньци голова пошла кругом. Он не ожидал, что, подсыпав Ли Цзинлуну отраву, только навредит, и поспешно сказал:

— Тогда не медли. Поджигай быстрее, а как закончишь, возвращайся обратно.

Мысли Тоба Фэна скакали с невероятной скоростью. За короткий миг он снова отвлекся на что-то ещё и внезапно заявил:

— Спускайся, ши-гэ тебя любит.

Из-за Тоба Фэна с голове у Юньци уже творилась полная неразбериха. Сейчас он находился на грани нервного срыва и выругался:

— Опять чудишь. Быстро катись отсюда!

Получив отказ, Тоба Фэн смущённо скрылся среди палаток. Вскоре из задней части лагеря донёлся треск огня. Стояла осень, дул сильный ветер, ветер был сухим, и шатры в лагере загорелись один за другим. Юньци закашлялся от чёрного дыма и вынужден был в панике покинуть свою палатку армейского инспектора, укрывшись с наветренной стороны.

— Саньбао! — крикнул Юньци. — Где Ма Саньбао?!

Огонь подхватил ветер, и ситуация быстро вышла из-под контроля. Пламя мгновенно поглотило палатки одну за другой. Войска на передовой, выстроившиеся у стен Пекина, тут же это заметили, и издали донёлся громкий крик:

— В тылу пожар!

Юньци, испытывая смешанные чувства, сказал:

— С такими способностями ещё и воевать, сброд... Саньбао! Где Саньбао?

Над огненным морем чёрная тень подобно ястребу прыгала по вершинам палаток, будто в тревоге пыталась что-то найти.

— Почему он ещё не ушёл? — пробормотал себе под нос Юньци, как вдруг осознал, что Тоба Фэн боится, что он попал в беду. Он поспешно начал размахивать обеими руками, крича: — Я здесь, всё в порядке!

Тоба Фэн облегчённо вздохнул и приземлился перед Юньци. Тот спросил:

— Ты видел Саньбао?

— Не беспокойся, тот парень ловкий, — ответил Тоба Фэн.

В это время загорелась конюшня с армейскими лошадьми, и тысячи боевых коней пронзительно заржали. Напуганные, они понеслись прочь. Раздался топот копыт, и Юньци в страхе непроизвольно пригнулся, обхватив голову руками.

Тоба Фэн же принял стойку всадника, взмахнул правой рукой и изящно выполнил приём «Будто бы закрытые створки»*, схватив боевого коня за поводья. Лошадь вздыбилась, и в уголках ее рта проступила кровь от натянутой уздечки, когда ее оттащил Тоба Фэн.

* 22 из 24 форм в Тайцзицюань, когда в стойке сводишь обе руки, как будто закрываешь ворота.

Вскочив на коня, Тоба Фэн протянул руку Юньци и предложил:

— Не переживай, поехали со мной. Давай не будем возвращаться в Пекин, поедem к реке Керулен.

Юньци закрыл глаза и вздохнул. В тот миг в его сердце действительно вспыхнуло желание бросить всё и последовать за Тоба Фэном, скитаться с ним по свету, отправившись в бескрайнюю пустыню.

Однако всего через мгновение Юньци открыл глаза и ответил:

— Саньбао всё ещё где-то в огне, а старшая сестра в городе. Ни ты, ни я не можем уехать.

Тоба Фэн на мгновение задержал взгляд на Юньци, затем кивнул, резко дёрнул поводья и сжал бока коня.

— Пошел!

В лагере южной армии вспыхнул пожар, и в одно мгновение туда уже стягивали тысячи солдат на подмогу. Тоба Фэн выхватил из-за спины свой деревянный меч «Семь звезд» и, полагаясь лишь на грубую силу, яростно врезался прямо в боевой строй из тысяч воинов!

Юньци стоял на возвышенности за пределами лагеря и в оцепенении провожал взглядом удаляющегося Тоба Фэна.

Мужчина устремился влево, а затем пробился сквозь вражеские ряды справа, с трудом прокладывая себе путь. Солдаты по обеим сторонам, охваченные страхом перед этим храбрым воином, похожим на бога войны, один за другим отступали.

Сердце Юньци сжалось от невыразимой боли, и он прошептал:

— Ши-гэ, заведи меня с собой.

В тот миг Тоба Фэн, находившийся в сотне чжанов* от него, словно что-то почувствовал. Сидя на лошади, он обернулся и растерянно взглянул на Юньци.

* Около 300 метров.

— Ши-гэ! — Юньци спрыгнул с поленницы и помчался к боевому построению, в отчаянии воскликнув: — Заведи меня с собой!

Юньци бежал изо всех сил, оставляя позади все свои обязанности, и отчаянно кричал в направлении, где скрылся Тоба Фэн.

Он стиснул зубы, развернул коня и хотел, невзирая ни на что, прорваться обратно в лагерь южной армии. Но подкрепления всё прибывали, подобно приливу затопляя одинокого Юньци.

Тоба Фэн в тревоге взревел:

— Не беги! Юньци, жди меня!

Солдат становилось всё больше, и они образовали непроницаемую стену. Тоба Фэн долго пробивался, но уже не мог разглядеть, где Юньци. Тогда он вынужден был снова решительно развернуться. В кромешной тьме раздался волчий вой, пока он прокладывал кровавую дорогу обратно в Пекин.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326092>